

**ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ.
ИНВЕСТИЦИИ В БЛАГОЧЕСТИЕ**

DOI: 10.25629/НС.2021.05.S8

Варьяш И.И., Смагар М.О.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 19-29-07549

Аннотация. В статье представлен опыт конкретно-исторического исследования иллюминированных рукописей XV в., являющий собой часть большого междисциплинарного проекта «Человеческий капитал Средневековья: типология, структуры, стратегии приращения (Западная Европа, Византия, Ближний Восток)», который осуществляется научной группой медиавистов кафедры истории средних веков МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках конкурса Российского фонда фундаментальных исследований «Человеческий капитал: конкурентоспособность, интеллект, одаренность». В научной группе собрались специалисты, которые занимаются самыми разными сюжетами истории Средиземноморья в средние века. Рабочая идея группы заключается в том, чтобы понять и аргументированно описать логику успеха средневековой цивилизации или – наоборот – логику неуспеха. Исследование М.О. Смагар, аспирантки кафедры истории средних веков, изучающей книжную культуру Западной Европы в позднее Средневековье, вписано в статью в широкую проблематику человеческого капитала. Одной из самых устойчивых форм инвестиций в человеческий капитал Средневековья были благочестивые инвестиции, которые обеспечивали спасение души, способствовали созданию «сокровищницы благодати» или божественной поддержки семейства, династии, корпорации. Для того, чтобы предметно представить себе этот сложный процесс взаимодействия частной духовной интенции, материального объекта благочестия, социальных групп и общественных настроений, в статье обсуждается такое яркое явление позднего Средневековья как иллюминированные рукописи благочестивого содержания (часословы, а также молитвенники, бревиарии) и уделяется специальное внимание тем, кто эти рукописи заказывал и создавал.

Ключевые слова: человеческий капитал, позднее Средневековье, Западная Европа, благочестивые инвестиции, Часослов Изабеллы Кастильской, иллюминированные рукописи, Северное Возрождение.

В 2019 году Российский фонд фундаментальных исследований объявил междисциплинарный конкурс «Человеческий капитал: конкурентоспособность, интеллект, одаренность». Это было очень важное начинание, призванное, кроме прочего, привлечь внимание отечественных ученых к этой теме и финансировать ее разработку в России.

В развитых странах объемы инвестиций в человеческий капитал сегодня превышают инвестиции в физический капитал, а сама тема ставится много шире, чем это делалось в 70-90 гг. (С. Кузнец, Т. Шульц, Г. Беккер). Так, в Руководстве по измерению человеческого капитала, которое было создано Европейской экономической комиссией ООН в 2016 году, ЧК был определен как «знания, навыки, умения и другие качества, воплощенные в людях и способствующие обеспечению личного, социального и экономического благополучия».

Еще важнее то, что человеческий капитал в мировой науке сразу приобрел статус не только исследовательского инструмента, но и прикладного параметра, который следовало учитывать в области управления, социального и экономического. В результате довольно скоро стали предприниматься попытки обобщать ЧК и изучать его в масштабах всей планеты. С 90-х годов ООН курирует разного рода Индексы Человеческого развития. К этой же сфере деятельности относится большая программа Всемирного Банка, который ведет проект, посвященный

развитию человеческого капитала, и создал Индекс Человеческого развития. Индекс призван обеспечить глобальный уровень оценки ЧК, что даст возможность по-новому подходить к вопросам роста экономики, социальной справедливости. Таким образом ЧК из сугубо экономического показателя превращается в глубокую гуманитарную тему, в рамках которой поднимаются, например, такие вопросы как инвестирование в охрану здоровья детей, в образование.

Сегодня в Индекс Всемирного Банка вносятся показатели по 157 странам: учитываются данные по продолжительности жизни, грамотности, совокупному доходу. На международном уровне в этих проектах участвует и Россия. Что же касается фундаментальной науки, то тема ЧК у нас пока не самая «модная», что, конечно, определяется общим состоянием общества и экономики.

В этой связи инициатива РФФИ в высшей степени значительна. Фонд не просто финансирует разработку фундаментальной темы (что очень нужно сегодня). Кроме этого, Фонд берет на себя научную функцию: формулирует и предлагает ученому сообществу такую тему и направление исследования, которые позволяют раздвигать горизонты отечественной науки. В подобной деятельности, по существу, и воплощается управление интеллектуальным капиталом страны.

Проект «Человеческий капитал: конкурентоспособность, интеллект, одаренность» был объявлен как междисциплинарный и участие в нем было открыто для самого широкого круга ученых: от экономистов и социологов, что самоочевидно, до биологов и историков, что уже придает самому замыслу совершенно новое звучание. ЧК предполагалось изучать с точки зрения опыта разных наук, на пересечении знаний об обществе, природе и человеке.

Мы с коллегами с кафедры истории средних веков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова заинтересовались этим проектом и предложили своего рода эксперимент: эксперимент с прошлым. В нашей научной группе собрались специалисты, которые занимаются самыми разными сюжетами истории Средиземноморья в средние века, то есть как раз тем социокультурным пространством, к которому исторически восходят современные цивилизации Европы и Америки. Наше предложение Фонду состояло в том, чтобы разработать типологию ЧК применительно к Средиземноморской цивилизации IV-XV веков и опробовать этот, новый для нас, научный инструмент на материале, который дает тысячелетие развития. Наш проект был поддержан Фондом и в настоящий момент мы уже готовы обсуждать результаты первых опытов, один из которых будет представлен ниже.

Стоит, однако, предварительно, отметить, что поиск ЧК в опыте древнего прошлого сразу вызывает сложность терминологического свойства. Возникает вопрос, правомерно ли изучать ЧК применительно к Средиземноморью IV-XV веков, если средиземноморская культура ни в каком из своих инвариантов: ни в христианском, ни в исламском, ни в иудейском, ни в раннегерманском, ни в византийском, ни в позднем испанском – ничего о ЧК не знала, не думала и такой термин не употребляла. То есть в картине мира людей той эпохи ЧК не существовал и, следовательно, есть все основания предполагать, что ЧК не было.

Впрочем, если мы выразим согласие с этим утверждением, мы должны будем признать, что XX век открыл новое человечество, радикально отличающееся от всего предыдущего и в биологическом, и в социокультурном плане, что совершенно неправдоподобно и противоречит накопленному современной наукой знанию.

По всей вероятности, рассуждая об этом предмете, следует изменить угол зрения: в древнем прошлом не было термина, изобретенного в XX столетии, но было явление, которое только недавно научная мысль научилась различать и поименовала. Точно так же, как нашим предкам не было известно о том, что они обладают менталитетом, или относятся к безмолвствующему большинству, или являются носителями социокультурной идентичности. Они вряд ли подозревали, что имеют отношение к коллективному бессознательному, пользуются социальными стратегиями, речевыми практиками, культурными кодами.

Категориальный аппарат современной науки и мыслительные формы, которыми располагает современный ученый, и не должны непременно совпадать с аппаратом и формами, которые были знакомы носителям древней культуры. Эти соображения дают нам основания искать ЧК в опыте прошлого. Более того, применение такой, необычной для медиевистики, исследовательской оптики с высокой долей вероятности способно обеспечить открытие нового знания, которое будет востребовано не только среди историков, изучающих Средневековье.

Следует специально отметить, что научная группа, занимающаяся проектом «Человеческий капитал Средневековья: типология, структуры, стратегии приращения (Западная Европа, Византия, Ближний Восток) не видит свою задачу в том, чтобы создать историческую иллюстрацию современных экономических теорий. Более того, мы не считаем необходимым доказывать, что в Средневековье ЧК существовал: это и так представляется нам ясным. Рабочая идея заключается в том, чтобы понять и аргументированно описать логику успеха средневековой цивилизации или – наоборот – логику неуспеха.

Очевидно, что у всякой культуры имеется собственное представление о фонде человеческих знаний, умений и мотиваций, и о том, как с ними обращаться, что и как вкладывать в собственное будущее, стремясь сделать людей и их жизнь лучше. Средиземноморская цивилизация располагала колоссальным и разнообразным опытом в этом плане.

В то же время интуитивно понятно, что человеческий капитал имеет сложную социальную структуру. Так, следует иметь в виду ЧК политических объединений: королевства, империи, царства – и человеческий капитал, которым обладает и распоряжается личность. Кроме того, ЧК имеется у семьи и присутствует в разных сообществах: в корпорации ремесленников, общине верующих, монастыре, сообществе интеллектуалов, придворных, военнопленных, мастеров-каменщиков и мастеров-художников и т.д. Помимо этого, человеческий капитал встроен в гендерную и возрастную структуру общества.

Одной из самых устойчивых форм инвестиций в человеческий капитал Средневековья были благочестивые инвестиции, которые обеспечивали спасение души, способствовали созданию «сокровищницы благодати» или божественной поддержки семейства, династии, корпорации. Они могли быть направлены и на духовную (пожертвования на заупокойные мессы, отпущение грехов), и на материальную форму: например, строительство храмов и монастырей, заказ, создание и переписывание благочестивых и молитвенных книг. Любопытно, что такие вложения оказывались инвестициями не только в человеческий капитал индивида или всей его семьи, но и в чужой человеческий капитал – благодаря им возникали новые социальные структуры – сообщество монахов, клир церкви, коллаборация мастеров-переписчиков книг и/или мастеров-иллюминаторов, которые наполняли рукописи визуальными образами. Общество посредством частной практики благочестивых начинаний и заказов обретало такие социальные структуры, которые позволяли людям, входившим в эти сообщества, сделать многое для того, чтобы и их жизнь, и жизнь «вкладчиков», и всего общества в целом становилась лучше.

Для того, чтобы предметно представить себе этот сложный процесс взаимодействия частной духовной интенции, материального объекта благочестия, социальных групп и общественных настроений, мы предлагаем обратиться к такому яркому явлению позднего Средневековья как иллюминированные рукописи благочестивого содержания и уделить специальное внимание тем, кто эти рукописи делал.

Продукт, создававшийся участниками сообществ мастеров-иллюминаторов и переписчиков, а именно – иллюминированные рукописи, обладал проективной функцией и служил приращению, интенсификации частного благочестия, а значит, являлся инвестицией в спасение души молящегося, который этим продуктом пользовался. Этот продукт воплощал и активизировал человеческий капитал причастных сословий.

Частное благочестие в Европе распространялось и поощрялось развитием так называемого Нового Благочестия. Следует отметить, что к XV-му веку осуществление частной, домашней молитвенной практики мирянами стало одним из привычных способов возделывания «сада своей души» и взаимодействия с сакральным. Такую частную молитвенную практику мирян

сложно представить без организовывавшего ее объекта-медиума, в качестве которого выступали молитвенные книги: часословы, простые молитвенники и даже бревиарии, как тип книги изначально предназначенный исключительно для использования клириками. Книги эти были разного качества и изящества, предназначались для разных слоев общества. Богатые иллюминированные рукописи – для аристократии, молитвенники попроще – для горожан.

Как мы уже обозначали выше, рукописная иллюминированная книга была воплощением коллективных усилий: мастеров-иллюминаторов, писцов, переплетчиков, выдельщиков пергамента и пр.

Внешний вид книги и ее содержание определялись совокупностью трех компонентов. Во-первых, традицией: как традицией изобразительной, так и текстовой – существовало общее коллективное представление о текстах, которые было принято включать, например, в часословы (часы, литании, евангельские стихи и пр.). Во-вторых, предложением мастерских, и, в-третьих, индивидуальным выбором заказчика. Если речь идет о роскошных иллюминированных рукописях, то, как правило, в мастерских (или через посредника) заказчику демонстрировались так называемые «модели» – образчики возможных изображений. Заказчик выбирал из предложенных моделей, обсуждал материал, текстовый состав, объем, цвета и прочие характеристики заказываемой книги.

После изготовления книга покидала мастерскую и могла путешествовать в разные части Европы (и не только). Одними из ключевых центров рукописного производства роскошных книг, дорогих иллюминированных рукописей, в том числе и предназначенных для частной молитвенной практики были города Гент и Брюгге, которые, наряду с некоторыми итальянскими городами обеспечивали рукописными книгами практически всю Европу.

В результате такого путешествия из фламандского региона книга, изготовленная фламандскими мастерами, могла попасть в Англию, Италию, Испанию и т. д. Путешествие книг (и прочих «предметов искусства» – алтарных образов, скульптур и т. д.), как нам кажется, в XV столетии было одним из немногих способов, при помощи которых, во-первых, реализовывалась действительно глубокая коммуникация между очень разными сословиями (в данном случае – мастеров и аристократии), и, во-вторых, создавалось книжное визуальное и смысловое поле, общее для христиан очень разного статуса. Таким образом, книга выступала в качестве культурного медиатора, материального объекта, который аккумулировал культурную традицию и вмещал новые художественные средства выражения, и передававшего особое, углубленное состояние благочестивого погружения.

Науке XX века хорошо известно, что чтение – это диалог, диалог сознания читателя с текстом. Именно поэтому мы говорим о том, что книга – это место встречи мастера и читателя, в случае с роскошной книгой – даже мастера и монарха. Книга, как продукт умений мастеров и созданных ими смыслов, воспринимался молящимся человеком, который часто принадлежал другому языковому, социальному, семантическому кругу. В какой-то степени эта мысль справедлива не только для книжного дела, но почти для любого предмета, обладающего информацией и являющегося кросс-сословным. Однако иллюминированная рукопись, будучи в первую очередь источником информации, вербальной и визуальной, играет особо важную роль в обмене социальными навыками и культурой и является соединяющим компонентом между разными сообществами. И в этой ситуации особенно важным оказывается индивидуальный вклад, умения каждого мастера.

В XV веке на севере Европы возникает новое искусство. Новое с точки зрения используемых техник (изображение трехмерных объектов, реалистичная манера) и богатства сюжетов. Это явления называют Северным Возрождением, а имена художников, которые составляют это явление хорошо знакомы читателю – Ян Ван Эйк, Рогир ван дер Вейден, Ханс Мемлинг, Альбрехт Дюрер и пр. Вместе с развитием станковой живописи и крупных форм, рост происходит и в книжном деле. Фламандские рукописи второй половины XV в., развивающиеся параллельно с книгопечатаньем словно поют «лебединую песню» европейской рукописной книги. Мастерство иллюминаторов достигает небывалых вершин, а объемы произведенных

рукописей, значительное число из которых составляют книги религиозного содержания, до сих пор впечатляют [5].

В историографии давно бытует точка зрения, что развитие «реалистичного» искусства в странах Северного Возрождения взаимосвязано с развитием и распространением частного благочестия. «Реалистичность» изображенных страданий Христа на полотнах Ван Эйка и Симона Мармиона, по мнению исследователей, способствовала еще большему эмпатическому сопереживанию молящегося [7] во время благочестивой медитации. Ряд исследователей [2] развивают эту мысль, обращая внимание на то, что «реалистичность» изображений фламандских примитивистов, свойство, которое Э. Панофский назвал «облаченным символизмом» [7] (перевод термина – С. С. Ванеян – то есть, изображение реальных или реалистичных предметов в достаточно нереалистичных ситуациях, таким образом символическое значение предметов как бы «скрывается», маскируется), способствовало повышению уровня сопричастности, вовлеченности молящегося.

В качестве примера можно вспомнить небольшую, напоминающую размером миниатюру, картину Ван Эйка «Мадонна в церкви». Подобные молитвенные картины можно было держать в руках, рассматривая детали. На картине Ван Эйка Дева Мария (которую в обычной жизни невозможно увидеть) изображена в «реалистичной» манере в готическом соборе. Интерьер собора реалистичен, но не реален – это не конкретный собор, который исследователи могли бы идентифицировать с изображением. Сама Мадонна непропорционально огромна – она занимает как бы весь собор, в соборе отсутствуют люди и т.п. Эти художественные приемы показывают, что видимый «реализм» картины – потому мы и даем это слово в кавычках – на самом деле не реален. Однако, по мнению ряда исследователей, именно такая визуализация сакральных образов, как мы уже писали выше, помогала более глубокой и тонкой настройке в молитвенном труде, делала молитвенную практику еще более интенсивной.

Во второй половине XV века аналогичные приемы начинают использоваться и во фламандских рукописных кодексах, в особенности, в книгах, предназначенных для частной молитвенной практики – часословах. Существует целое направление в искусствоведении, исследующее взаимосвязь и взаимовлияние книжной фламандской миниатюры и станковой живописи Северного Возрождения. Помимо «облаченного символизма» во фламандских иллюминированных рукописях появляется прием *trompe-l'œil* – обманка. Бордюры рукописей покрывают реалистичными изображениями цветов, растений, насекомых, иногда – животных и драгоценных камней (рис. 1). Интересно, что мастера-иллюминаторы не только активно использовали опыт художников-станковистов, но и часто сотрудничали с ними. С нашей точки зрения, это сотрудничество тоже влияло на благочестивую молитвенную практику и способствовало ее обогащению.

Рисунок 1 – Фламандская иллюминированная рукопись

Например, один из ярких образчиков молитвенных иллюминированных рукописей этого периода – Фламандский Часослов Изабеллы Кастильской (Кливлендский музей изобразительных искусств, Огайо) [3] был изготовлен для испанской королевы в регионе Гент-Брюгге фламандскими мастерами-иллюминаторами (Александром Бенингом и его мастерской, Мастером молитвенников 1500-х гг., и пр.) при участии одного из лучших живописцев своего времени, Герарда Давида (рис. 2) [6].

Рисунок 2 – Фламандский Часослов Изабеллы Кастильской

Кливлендский Часослов был подарен Изабелле Кастильской или ее послом, Франциском Рохасом [9], или же ее духовником – Хименесом де Сиснеросом [4] – исследователи пока не пришли к единому мнению. Такого рода драгоценные дары были распространены среди аристократии [1] и предназначались в том числе и для укрепления социальных связей.

Заключая статью, хотело бы особо обратить внимание читателя, на то, что у каждого из обсуждаемых сословий был свой капитал. Разумеется, аристократия обладала денежными средствами, на которые осуществлялись заказы благочестивых книг. Еще важнее то, что высшая знать располагала значительными социальными связями, которые было необходимо поддерживать, в том числе и дарением такого рода дорогих артефактов. Кроме того, благородные господа владели определенным капиталом знаний, в который входило, например, знание латыни и молитвенных текстов. Наконец, это сословие было наделено своим набором эстетических представлений и требований к заказанному объекту, что обнаруживает некий «капитал культуры».

Столь же значительным и сложным был капитал мастеров, исполнявших заказы аристократии – это их профессиональные умения и навыки, знание общей христианской художественной и книжной традиции; возможность, отталкиваясь от традиции и опираясь на достижения современной им науки и ремесла, породить нечто новое. Помимо этого, капитал мастеров тоже включал в себя социальные связи, позволявшие находить, во-первых, платежеспособных заказчиков, а, во-вторых, организовывать творческие коллаборации. Даже и менее заметные фигуры в книжном деле, такие как писцы, обладали грамотностью и мастерством письма, входили в определенные сообщества, пусть и не столь формализованные.

В результате взаимодействия мастеров и заказчиков рождался крайне сложный материальный объект, рукописная молитвенная книга, воплощавшая в себе многомерный человеческий капитал разных сословий и представлявшая собой тип инвестиции в благочестие, столь важный средневековому обществу. Сохранившиеся роскошные часословы европейских монархов и аристократов являются сегодня бесценным наследием и составляют фонд нашей культуры, бесконечно преумножая вложенное Средневековьем.

Библиография

1. Дмитриева О. В. Обмен новогодними дарами при дворе Елизаветы I Тюдор // На языке даров. Правила символической коммуникации в Европе 1000–1700 гг. М., 2016.
2. Haribson C. Realism and Symbolism in Early Flemish Painting // *The Art Bulletin*, Vol. 66, №. 4. P. 588–602.
3. Hours of Isabella the Catholic, Queen of Spain. Cleveland, Leonard C. Hanna, Jr. Fund 1963.256. <http://www.clevelandart.org/art/1963.256> (дата последнего обращения: 20.04.2021)
4. De Kiesel L. The Hours of Queen Isabella the Catholic. München, 2014.
5. Kern T., McKendrick S. Illuminating the Renaissance: the triumph of Flemish manuscript painting in Europe. Los Angeles, 2003.
6. Scillia D. Gerard David's "St. Elizabeth of Hungary" in the "Hours of Isabella the Catholic" // *Cleveland Studies in the History of Art*. Cleveland, 2002. № 7. P. 50–67.
7. Panofsky E. Early Netherlandish Painting. Cambridge, 1953.
8. Panofsky E. "Imago Pietatis". Ein Beitrag zur Typengeschichte des "Schmerzensmanns" und der "Maria Mediatrix". Leipzig, 1927.
9. De Winter P. M. A book of hours of Queen Isabel la Católica // *The Bulletin of the Cleveland Museum of Art*. Cleveland, 1981. Т. 68. №. 10. P. 342–427.

Варьяш Ирина Игоревна. Доктор исторических наук, доцент кафедры истории средних веков исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: variashi@gmail.com

Смагар Мария Ованесовна. Аспирант кафедры истории средних веков исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: maryoganisyan@gmail.com

PIOUS INVESTMENT: HUMAN CAPITAL IN THE MIDDLE AGES

DOI: 10.25629/HC.2021.05.S8

Variash I.I., Smagar M.O.

Lomonosov Moscow State University

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 19-29-07549

Abstract. The article represents the experience of concrete historical research of illuminated manuscripts of the 15th century – a part of a large interdisciplinary project «Human capital of the Middle Ages: typology, structures, strategies of its increment (Western Europe, Byzantium, Middle East)» This project, funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), is being implemented by the academic group of medievalists from the Department of Medieval History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University. The research team gathered experts engaged in a variety of subjects in the history of the Mediterranean in the Middle Ages. The working idea of the group is to comprehend and reasonably describe the logic of the success of medieval civilization, or, on the contrary, the logic of failure. This article is based on the research of M.O. Smagar, a Ph.D. student of Department of Medieval History, studying the manuscript culture of Western Europe in the late Middle Ages in connection with the problematic frames of human capital. One of the most enduring forms of human capital investment in the Middle Ages was pious investments, which provided salvation to the soul, and contributed to creating divine support for a family, dynasty, corporation. This article discusses illuminated devotional manuscripts with those who ordered and created them.

The purpose of the article is to show complexity of the process of interaction between private spiritual intention, the material object of devotion, together with social groups and public sentiments.

Key words: Human Capital, Late Middle Ages, Western Europe, Pious Investments, Book of Hours of Isabella the Catholic, Illuminated Manuscripts, Northern Renaissance.

References

1. Dmitrieva O.V. Exchange of New Year's gifts at the court of Elizabeth I Tudor // The Language of Gifts. The Rules of Symbolic Communicatuin in Europe (1000–1700). Moscow, 2016. (In Russian).
2. Haribson C. Realism and Symbolism in Early Flemish Painting // The Art Bulletin, Vol. 66, №. 4. P. 588–602.
3. Hours of Isabella the Catholic, Queen of Spain. Cleveland, Leonard C. Hanna, Jr. Fund 1963.256. <http://www.clevelandart.org/art/1963.256> (дата последнего обращения: 20.04.2021)
4. De Kiesel L. The Hours of Queen Isabella the Catholic. München, 2014.
5. Kern T., McKendrick S. Illuminating the Renaissance: the triumph of Flemish manuscript painting in Europe. Los Angeles, 2003.
6. Scillia D. Gerard David's "St. Elizabeth of Hungary" in the "Hours of Isabella the Catholic" // Cleveland Studies in the History of Art. Cleveland, 2002. № 7. P. 50–67.
7. Panofsky E. Early Netherlandish Painting. Cambrige, 1953.
8. Panofsky E. "Imago Pietatis". Ein Beitrag zur Typengeschichte des "Schmerzensmanns" und der "Maria Mediatrix". Leipzig, 1927.
9. De Winter P. M. A book of hours of Queen Isabel la Católica // The Bulletin of the Cleveland Museum of Art. Cleveland, 1981. T. 68. №. 10. P. 342–427.

Variash Irina Igorevna. Doctor in History, Associate Professor, Department of Medieval History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University. E-mail: variashi@gmail.com

Smagar Maria Ovanesovna. Postgraduate Student, Department of Medieval History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University. E-mail: maryoganisyan@gmail.com